

«Если не сойду с ума, в политику не пойду»

ИЗВЕСТИЯ: Ваша повесть называется «Реки», при этом содержание гораздо шире...

Гришковец: Название — это такое таинственное дело. Это первое слово, с которого начинается прочтение книги. Кроме всего прочего, это очень красивое слово — и графически и фонетически. В этом названии ничего не зашифровано, но, конечно, если это слово выделено, то тем кусочкам, которые связаны с реками, в повести будет гораздо больше внимания уделено читателем. Это своего рода ударение.

ИЗВЕСТИЯ: Как появилась идея написать повесть о Сибири?

Гришковец: Не знаю (*улыбается*). Это самая прожитая тема в моей жизни, гораздо более глубоко прожитая и пережитая, чем служба на флоте. Служба длилась 3 года, а Сибирь — 33.

ИЗВЕСТИЯ: Детство, описанное в повести, — это ваше детство?

Гришковец: А что в тексте такого, что другой человек не может сказать о своем детстве?

ИЗВЕСТИЯ: Я имею в виду события: поездку на охоту, встречу с медведем...

Гришковец: В этой книге то, что со мной

было, или то, что я знаю. Фраза «то, что я знаю» сильно расширяет мои возможности. Для меня принципиально важно, чтобы эта книга не воспринималась как автобиографическая, поэтому я и ввожу нечто вроде предисловия к тексту, где говорю про автора.

ИЗВЕСТИЯ: В этом предисловии вы пишете, что «автор был намерен написать весьма объемное произведение, а представил совсем небольшую повесть». Так и получилось или это тоже литературная игра?

Гришковец: Нет, два года назад она действительно задумывалась и даже воплощалась как большое произведение. Но это было произведение, состоящее в основном из новелл и каких-то путевых заметок. Это была такая забавная книжка, даже сборник эссе, размытая по содержанию и по форме книга, которую я собирался издать. Она должна была быть раза в три или четыре больше, чем получившаяся повесть. Я ее диктовал, и отсюда возникла размытость языка, формы и композиции, потому что не было сопротивления материала. Но у меня два года назад украли компьютер. И я решил ничего не восстанавливать, не возвращаться к этому тексту. Но неожиданно

в начале этого года, в середине января, вернулся. Вернулся в другом качестве, возрасте и понимании задач. Я сам удивился, насколько лаконичная она получилась.

ИЗВЕСТИЯ: У вас довольно широкая сфера интересов. Вы давно зарекомендовали себя как драматург, режиссер, актер, писатель, музыкант. Что дальше? Кино или, может быть, хотите написать либретто для оперы?

Гришковец: Нет, либретто для оперы не могу написать, потому что это метафорическое искусство, которым я совершенно не владею. Кино я бы очень хотел заниматься, и я думаю, это случится.

ИЗВЕСТИЯ: Уже есть конкретные планы?

Гришковец: Нет, планов нет. Просто, если я так этого хочу, значит, должно случиться (*смеется*). Мне хочется сыграть не эпизодическую роль, а какую-то значительную. Но я к этому буду относиться как к приключению, а не как к глобально серьезному делу. Я же буду участвовать в создании не своего фильма. А в моих планах пока ничего нет, потому что я закончил очень значительное для себя произведение — эту повесть. Я сейчас абсолютно пуст. Никаких идей — все воплощено.

Гришковец написал про Сибирь

Николай Александров

Вчера новое произведение Евгения Гришковца — повесть «Реки» — предстало перед заинтересованной публикой в виде книги. И по признанию самого автора, не предназначено для чтения со сцены.

Евгений Гришковец назвал свое новое произведение повестью. Хотя это все тот же прежний Гришковец. Цепь рассказов, монологов лирического героя. На заданную тему. Тема эта — Сибирь, место, где родился автор (рассказчик). Череда автобиографических откровений. Откровенность Гришковца — особая статья. Можно сказать, его стиль, его неповторимая черта. Он как будто все время стесняется. Ему все время как-то неловко. Он сторонится громких слов и вообще всяческих обобщающих высказываний. Он говорит о своем, интимном. Он как будто невольно признается в своей жизни. Как будто вынужденно. Отсюда его обаяние.

Ведь действительно странно (если отвлечься от повести «Реки»), что пространственные монологи Гришковца и его, по сути, монологические пьесы выслушиваются с таким вниманием. Ходит по сцене человек и рассказывает о том, как он съел собаку. И зал слушает. И как будто проникается авторским стеснением, неловкостью. И даже если не проникается, все равно слушает. А речь идет о вещах простых и понятных. О вещах, казалось бы, незначительных. В «Реках»

Гришковец рассказал о многом, о городе на большой сибирской реке, о деревне и археологической экспедиции, о рыбалке, о деде, который воевал, об иностранцах в Сибири, о новостройках, о шахтах и шахтерах, о сибирских просторах и сибирской бесприютности. Оказывается, это особая категория: «Как много людей жили и живут в Сибири временно, хотя рождаются, проживают всю жизнь и умирают там, где родились, то есть в Сибири. И живут с ощущением, что они в Сибири не навсегда, в смысле не на всю жизнь. Это чувство, неосмысленное и непроговоренное, не давало и не дает сибиряку сил, вместо тесной и бревенчатой пятитстенки и кривого забора, построить себе более или менее просторный и светлый дом и обустроить усадьбу, проложить хорошую дорогу, навести порядок на поселковом или городском кладбище и присмотреть себе хорошее и сухое место под какой-нибудь березкой, место для своей могилки».

Вот и сам герой (рассказчик) из Сибири уехал. И теперь возвращается воспоминаниями. Как будто извиняется. Как будто признается в любви или оправдывается за измену. Потому что из Сибири он уехал, а любовь ко всему этому холодному, пространственно необозримому, сиротливому, безалаберному и неброскому — остается. Вот и рассказывает теперь герой о себе и о своей жизни, о том, как он все-таки встретил медведя (со второй попытки) и ему никто не поверил, потому что мало кто из сибиряков медведя встре-

чал, даже из тех, кто всю жизнь в Сибири прожил.

Проникновенная вещь получилась у Гришковца. Причем на серьезную тему. Интимный тон только подчеркивает серьезность. И эта заданная серьезность чувствуется. Гришковец пишет почти манифест, почти декларацию «национальной идеи». Он пишет о любви к Родине. «С чего начинается Родина?..» С неловкости и чувства стыда, мог бы ответить автор «Рек». С того, что на заброшенном полустанке человек заговаривает с дедом, едущим в райцентр продавать лапти. Поезд вот-вот должен отойти. Герой спешит купить пару лаптей у деда. Дает ему деньги. А у деда нет сдачи. И вот он неловко сует купюру и вскакивает на подножку уходящего поезда. А дед бежит вслед и говорит, почему же так, и денег, мол, не надо! А поезд уходит.

«Как же мне потом было стыдно! Я даже ушел в туалет и коротко расплакался. Мне было тошно и не хватало воздуха от стыда. Как я мог так сделать?... Не ресторанному же халдею я оставил щедрые чаевые... Я ругал себя за ту манеру, с которой говорил с тем человеком, за то, что обращался к нему на «ты». Хотя было видно, что он этого даже не заметил, не обратил на это внимания. Я терзался тогда от того, что прикоснулся к чему-то большому и, как выяснилось, важному и не чужому мне... Но коснулся глупо, бессмысленно и пошло...».

Собственно, в этом суть, наверное. Евгений Гришковец. Реки. — М.: Махаон, 2005.